

И.П. Лысков

**А.П. Чехов в понимании
критики: материалы для
характеристики его
творчества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.П. Лысков**
А.П. Чехов в понимании критики: материалы для характеристики его творчества / И.П. Лысков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-517-96854-8

ISBN 978-5-517-96854-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И. П. Лыковъ.

А. П. Чеховъ

ВЪ ПОНИМАНІИ КРИТИКИ.

(Матеріалы для характеристики его творчества).

Москва.

Типографіи Вич. Ал. Гатцукъ, Долгоруковская ул., домъ Бутюшовой.

1905.

Предисловіе.

Критическая литература о произведеніяхъ русскихъ классиковъ разрастается до огромныхъ размѣровъ. Одинъ только перечень статей о Пушкинѣ въ книгѣ Мезіеръ *) занимаетъ 16 страницъ. Указатель произведеній гр. Л. Н. Толстого, составленный Витовтомъ, имѣетъ 348 страницъ. То же самое надо сказать и о Чеховѣ. Въ той же книгѣ Мезіеръ, вышедшей въ свѣтъ въ 1902 г., о немъ указано 34 статьи, а нами собрано 72. Въ три года появляется так. обр. еще 38 статей.

Въ виду массы критическаго матеріала о литературной дѣятельности Тургенева, Достоевскаго, Гоголя, Толстого, Чехова, ознакомленіе со всѣмъ написаннымъ о нихъ вызываетъ непреодолимые затрудненія. На изученіе одной только литературы предмета тратится очень много времени. Затѣмъ, всякій согласится, что знаніе прочитаннаго отличается ясностью и полнотою только въ самый процессъ чтенія и еще въ короткое за симъ время. Даже черезъ непродолжительный срокъ оно постепенно вытѣсняется новымъ, а черезъ годъ остаются слабыя слѣды и смутныя воспоминанія. Понятно, что, при такомъ свойствѣ нашей памяти, запомнить взгляды различныхъ критиковъ, иногда при томъ сходные, что еще болѣе осложняетъ храненіе ихъ, до чрезвычайности трудно.

Это одно уже должно бы было побуждать къ составленію библиографическихъ обзоровъ о томъ или другомъ писателѣ. Но подобныхъ сочиненій въ русской

*) Русская словесность.

литературѣ совсѣмъ нѣтъ. Мы знаемъ трудъ въ этомъ родѣ одного покойнаго Острогорскаго, даваго въ Мирѣ Божіемъ обзоръ юбилейной литературы о Пушкинѣ. Отсутствіе подобныхъ сочиненій невыгодно отражается и на содержательности курсовъ исторіи новѣйшей русской литературы.

Къ наученію библіографіи насъ побудило и слѣдующее обстоятельство. То или другое теоретическое положеніе можетъ пріобрѣсти свойства истины отчасти въ томъ случаѣ, когда оно обнажено и освобождено отъ всѣхъ мелочей, украшающихъ его; упрощенность является положительной необходимостью. Авторъ этой книги и рѣшился представить въ своемъ трудѣ рядъ тезисовъ и положеній. При этомъ онъ заботится о полнотѣ и правдивости изложеніи ихъ, стараясь удержать въ передачѣ даже и второстепенныя мысли. Въ виду всего этого онъ даетъ не сокращеніе статьи, а ея экстрактъ.

На Чеховѣ онъ остановился потому, что его дѣятельность имѣетъ огромный современный интересъ и вызываетъ самыя разнообразныя толкованія.

Какъ выполнена работа, судить не мнѣ.

Ив. Лысковъ.

Москва
7 марта 1905 г.

А. П. Чеховъ свою литературную дѣятельность началъ съ конца 70-хъ годовъ. До 1886 года онъ печаталъ подъ различными псевдонимами свои рассказы въ юмористическихъ изданіяхъ и поэтому онъ пользовался малою извѣстностью, и серьезныхъ и обстоятельныхъ критическихъ статей о немъ не помѣщалось. Первый его сборникъ „Пестрые рассказы“ вышелъ въ 1886 году, а второй „Въ сумеркахъ“—въ слѣдующемъ 1887. Съ этого послѣдняго года и начинается о немъ рядъ статей. Въ 1888 году Чехову присуждена Академіей Наукъ пушкинская премія. Вслѣдствіе этого количество статей о немъ увеличивается; а что самое важное его начинаютъ оцѣнивать, какъ выдающагося по своему таланту писателя. 1900 годъ, годъ избранія Чехова академикомъ, особенно богатъ и критическими отзывами. Съ нимъ можетъ развѣ соперничать только 1904-й, годъ смерти, нашего писателя. Для уясненія особенностей чеховскаго таланта очень важно знать сущность критическихъ характеристикъ о литературной его дѣятельности. Съ этой цѣлью мы и рѣшили передать содержаніе важнѣйшихъ критическихъ статей.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

Неумолимый рокъ унесъ его въ могилу.
Болѣзнь тяжелая туда его свела.
Она была—въ груди и всюду съ нимъ ходила:
Вся жизнь страны родной—болѣзнь его была!

Пророки и вожди, кипя душой мятежной,
Могли быть гнѣвными, могли, любя, карать.
А онъ любилъ людей такой любовью нѣжной,
Какъ любить женщина, какъ любить только мать.

Печали жгучей ядъ онъ выпилъ полной чашей,
Впиталъ въ себя всю грусть, глубокій, какъ родникъ.
И былъ отравленъ онъ тоскою жизни нашей,
Терпѣнемъ рабовъ и тупостью владыкъ.

Дыханье пошлости ему дышать мѣшало.
До гроба мучила холодная вражда.
И, наконецъ, толпа любовью истерзала.
Но былъ онъ одинокъ повсюду и всегда.

Онъ жилъ подъ темною, загадочною властью
Судьбы насмѣшливой, безчувственной и злой,
И капля каждая имъ выпитого счастья
Была отравлена невидимой рукой.

И, поздно понятый, судимый такъ напрасно,
Онъ умеръ оттого, что слишкомъ жизнь бѣдна,
Что люди на землѣ и грубы, и несчастны,
Что стонетъ подъ ярмомъ родная сторона.

И, оставивъ мѣръ, онъ звалъ тебя, свобода!
Последній вздохъ его уже звучалъ тобой,
Онъ чувствовалъ, что даль таитъ лучи восхода,
А почъ еще сильна и давить край родной.

О родина моя, ты вознесешь моления
И тѣмъ прекрасную благословишь, любя.
Но прокляни же ты проклятиемъ презрѣнья
Бездушныхъ торгашей, что продають тебя!

Пусть смерть его падетъ на гадовъ дряхлой злобы,
Чьи руки черствыя обгарены въ крови,
Кто добивалъ его, а послѣ былъ у гроба
И громче всѣхъ кричалъ о дружбѣ и любви!

Блесни надъ родиной, могучее свѣтло,
Птицъ ночи разгони, пронзи ночную тѣнь.
И, возрождая жизнь надъ темною могиллой,
Приди, торжественный, давно желанный день!

Скиталецъ.

Первый отзывъ о художественной дѣятельности изучаемаго нами писателя помѣщенъ Н. Арсеньевымъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1887 г. въ 12 книжкѣ. Статья носитъ заглавіе: „Беллетристы послѣдняго времени“. Стр. 766—775.

Къ изложенію ее мы и перейдемъ.

„Пестрымъ разсказамъ“ Чехова Арсеньевъ придаетъ мало значенія. Главный недостатокъ онъ находитъ, во первыхъ, въ ихъ анекдотичности. Анекдоты при этомъ отличаются несообразностью содержанія и неправдоподобностью происшествія. Примѣромъ неправдоподобности Арсеньевъ считаетъ: „Орденъ“, „Винтъ“, „О вредѣ табака“. Въ особенности содержаніе послѣдняго произведенія отличается невозможностью и невѣроятностью событія. Къ этимъ приемамъ авторъ прибѣгаетъ для того, чтобы придать своимъ разсказамъ комизмъ. Поэтому и комизмъ его является невысокимъ, но онъ и еще ниже, когда къ нему присоединится скабрзность („Дочь Альбіона“), хотя этотъ недостатокъ встрѣчается рѣдко. Во вторыхъ, въ разсказахъ, при отсутствіи анекдота и неправдоподобія, слишкомъ много зауряднаго. Примѣромъ этой заурядности служатъ: „Надлежащія мѣры“, „Налимъ“, „Хирургія“, „Не судьба“, „Заблудніе“. Дѣйствующія лица здѣсь походятъ на маріонетокъ.

Въ своемъ достоинствѣ произведенія Чехова выигрываютъ, когда анекдотъ включается въ картину нравовъ. Дѣйствующія лица въ „Пѣвчихъ“ являются живыми. То же надо сказать и о дѣтскихъ типахъ разсказовъ „Дѣтвора“ и „Кухарка женится“. Среди разсказовъ имѣются и такіе, въ которыхъ художникъ обращаетъ вниманіе не на происшествіе и анекдотъ, а на душевное состояніе своего героя, когда онъ беретъ изъ его жизни или моментъ комической или трагической. Таковы: „Сопная одурь“, „Злоумышленникъ“, „Госка“. Здѣсь Чеховъ сразу становится другимъ писателемъ, и его разсказы еще болѣе выигрываютъ въ своемъ достоинствѣ.

Слѣдующій сборникъ „Въ сумеркахъ“, по отзыву Арсеньева, стоитъ выше перваго. Причиной этого является то, что здѣсь а) встрѣчается рѣже анекдотъ и б) онъ изящнѣе. Анекдоту здѣсь придается значеніе только какъ фона, или оправы. Центромъ „Недобраго дѣла“ служитъ не столько происшествіе или анекдотъ, сколько душевное состояніе одного изъ героевъ этого разсказа, мрачный юморъ обманщика. Въ „Пустомъ случаѣ“ изъ за охотничьяго приключенія выглядываютъ очерченныя фигуры князька и влюбленной въ него женщины. Заключительная сцена разсказа „Въ судѣ“, гдѣ конвойнымъ оказался по странной случайности сынъ обвиняемаго, не вредитъ характеру произведенія, потому что интересъ его сосредоточивается не на этой сценѣ, а на выломъ и равнодушномъ отношеніи судей къ судьбѣ чловѣка.

Съ областью происшествія и анекдота жанръ Чехова граничитъ только одной стороной, другой—онъ примыкаетъ къ сферѣ повѣсти и романа. Предъявляя къ разсказамъ этого писателя тѣ требованія, которыя примѣняются къ повѣсти и роману, Арсеньевъ находитъ слѣдующій недостатокъ. Вслѣдствіе непропорціональности между формой и содержаніемъ, которая является изъ за того, что

въ маленькій разсказъ Чеховъ старается включить цѣлое повѣствованіе о жизни героя или героини, его дѣйствующія лица очень часто неясны, смутны и туманны и поступки ихъ неопредѣленны и негравдоподобны. Въ „Вѣрочкѣ“ признаніе въ любви идетъ со стороны дѣвушки. Что побудило ее рѣшиться на этотъ шагъ, въ произведеніи не сказано. Характеры Вѣры и Огнева мы не можемъ уяснить себѣ, потому что объ этихъ герояхъ очень мало данныхъ. Та же неполнота и въ обрисовкѣ психологіи замужней женщины передъ ея паденіемъ въ „Несчастьѣ“. Положенія и характеры то слишкомъ знакомы: Вѣрочка въ разсказѣ того же имени напоминаетъ тургеневскую Асю, то они слишкомъ смутны и неопредѣленны: Лихаревъ („На пути“) задуманъ лучше, чѣмъ исполненъ.

Указанный недостатокъ устраняется, когда тема легко и свободно укладывается въ рамки разсказа. Въ особенности легко удается Чехову воспроизведеніе тѣхъ мгновенныхъ душевныхъ настроеній, которыя понятны безъ углубленія въ прошедшее героевъ. Для пониманія сотскихъ и бродяги въ „Мечтахъ“ не требуется съ ними всесторонняго знакомства. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ мы узнаемъ ихъ настолько, что образы рѣзко впечатлѣваются въ нашей памяти, благодаря ихъ законченности. Та же законченность въ обрисовкѣ типовъ монаха Николая и Иеронима въ разсказѣ „Святой ночью“, усиливающаяся еще и благодаря внѣшней обстановкѣ: Николай и Иеронимъ ярко выдѣляются, потому что они изображены на фонѣ пасхальной ночи. Изъ разсмотрѣнія, кромѣ указанныхъ разсказовъ, еще и другихъ: „Агафья“, „Вѣдьма“, „Панихида“, „Дѣтворя“, „Событіе“, „Дома“ и „Кошмаръ“ можно сдѣлать тотъ выводъ, что для Чехова доступнѣе всего психологія тѣхъ людей, которые по своей психической организаціи отличаются

крайнею простотою, зависящей отъ малочисленности и несложности управляющихъ ими побуждений.

Одна изъ сильныхъ сторонъ чеховскаго таланта—это описанія природы, въ которыхъ онъ является свободнымъ отъ подражанія и нашимъ классическимъ и западноевропейскимъ образцамъ. Примѣромъ его талантливыхъ описаній природы надо поставить изображеніе бури въ „Вѣдьмѣ“. Объективность Чехова выражается въ томъ, что онъ рѣдко мѣняетъ роль повѣствователя на моралиста.

Мережковскій. Старый вопросъ по поводу новаго таланта. Сѣверный Вѣстникъ, 1888 г. кн. 11, стр. 77—99.

Мелкіе рассказы, по мнѣнію Мережковскаго, соотвѣтствуютъ настроенію массъ, такъ какъ а) очень часто въ мелочахъ таится душа предмета, б) тонкими психологическими полутонами мы увлекаемся, вслѣдствіе ихъ загадочности. Эти психическія явленія вдвойнѣ интересны для насъ, такъ какъ они малоизвѣстны и скрываются на днѣ всякаго ощущенія. Микроскопическія детали легко передаются маленькими новеллами. Чеховъ принадлежитъ къ беллетристамъ этого новаго типа. Даже его крупное произведеніе „Степь“ не представляетъ исключенія: рассказъ слѣпленъ изъ самостоятельныхъ, коротенькихъ отрывковъ. Въ виду того, что созерцатель-художникъ въ своихъ созданіяхъ неслишкомъ рѣзко обозначаетъ общественную тенденцію, критика отнеслась къ нему не съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ.

Рассказы его задушевные, но чувство, которое онъ производитъ въ насъ такъ же неопредѣленно, какъ музыка. Это происходитъ отчасти и потому, что авторъ одинаково любитъ и природу и человѣчскій міръ. У большинства писателей эти два элемента исключаютъ другъ друга. Байронъ и Лермонтовъ любятъ природу, но къ людямъ относятся съ презрѣніемъ. Диккенсъ, Тек-